

Отец Бай Вэньцзина и Бай Лань, Бай Тяо, познакомился с ним более десяти лет назад на Собрании Улинь.

В ту пору оба они были дерзкими юнцами, которым море по колено. Если выражаться красиво — свободные, необузданные и презирующие условности; если же прямо — безрассудные глупцы, которые, засунув за пояс по мечу, возомнили, будто способны покорить мир цзянху.

Потому на Собрании Улинь, заведомо зная, что потерпят сокрушительное поражение, они тем не менее рвались в бой и сходились в поединках с мастерами той эпохи. Как правило, их сгоняли с арены в один-два приёма, и лишь благодаря милосердию старших они отделались легким испугом.

Бай Вэньцзина тогда слегка задела мечом. Рана оказалась совсем неглубокой, но угодила в самое неудачное место — клинок рассек его пояс. Мало того что он и без того чувствовал себя крайне неловко, так с дерева вдруг раздался чей-то наглый раскатистый смех. Подняв голову, он увидел того самого мечника, которого сбросили с платформы прямо перед ним. Положение у обоих было одинаковое, однако над ним открыто потешались. Бай Вэньцзин затаил обиду и в тот же вечер вызвал Бай Тяо на поединок.

Бай Тяо ничуть не спешил: попивая вино, он поджидал Бай Вэньцзина у оговоренного причала. Завидев соперника, он тут же вытащил меч. Они сражались с полуночи до самого рассвета, но так и не смогли определить победителя.

Тогда Бай Тяо отбросил меч со словами: «Не буду я с тобой больше драться», — и кинул Бай Вэньцзину запечатанный кувшин с вином. Бай Вэньцзин взглянул на него, поднял сосуд и осушил его до дна. Обменявшись именами, они почувствовали еще большую душевную близость и прямо там, на заброшенном причале посреди глуши, побратались.

Клятва о том, что пусть не суждено родиться в один день, но умереть они хотят в один час, всё еще звучала у них в ушах.

Много лет спустя, после долгой разлуки, они вновь встретились, когда оба уже обзавелись семьями. Жена Бай Тяо тогда была беременна, и Бай Вэньцзин, потянув Лань Жун за руку, предложил: «Давай-ка сосватаем наших детей еще до их рождения, а там посмотрим, мальчик родится или девочка».

Вот только у обеих семей появились на свет дочери, и больше об этом разговоры не заводили.

Бай Вэньцзин всё так же стоял на прежнем месте, с едва уловимым выражением уныния на лице. Он хранил молчание, словно всё еще ждал, что Бай Лань что-то скажет. Но разве оставалась у Бай Лань нужда продолжать разговор? Каковы бы ни были ее истинные цели, когда она произносила эти слова, она уже их добилась.

В те годы Бай Лань была ровесницей нынешней Бай Сюань. Услышав слова Бай Тяо, она

поняла их лишь наполовину, но, видя, с какой серьезностью тот говорил, запечатлела его наказы в памяти — правда, тогда она и помыслить не могла, что настанет такой день.

Чувство вины накатило лавиной, смывая всё на своем пути. Бай Вэньцзин не знал, пожалеет ли он в будущем о сегодняшней нерешительности; он лишь надеялся, что Бай Сюань проявит твердость характера, а Бай Лань не станет после его смерти перекладывать все эти старые обиды и грехи, которые изначально принадлежали ему самому, на плечи Бай Сюань.

Бай Вэньцзин протянул руку и легко огладил ножны меча, после чего произвел негромко: «Давай оставим это».

Бай Тяо с семьей долгие годы скитался по свету. Поначалу Бай Вэньцзин думал, что у того просто непоседливый нрав, но позже узнал, что за ним охотятся кровные враги, из-за чего ему и приходилось вечно бежать. Однажды, случайно встретив Бай Вэньцзина на прогулочном судне, Бай Тяо напился до бесчувствия и настоял на том, чтобы Бай Вэньцзин стал приемным отцом Бай Лань, напутствуя его такими словами: «Если однажды я больше не смогу ее защищать, ради нашей многолетней дружбы ты должен будешь вырастить ее». Он уже собрался выйти за дверь, как Бай Лань внезапно произнесла:

— Приемный отец, с этого дня у Бай Лань больше нет иных помыслов.

Бай Вэньцзин замер, едва заметно кивнул и вышел.

Бай Сюань поначалу вернулась в свою комнату, но, как только кормилица ушла, она потянула Сюэ Лю за рукав, велев ей никому ничего не говорить. Сама же тайком выбралась наружу и принялась прыгать под окном Бай Лань. Хотя она ничего не видела и не слышала, так ей было спокойнее, чем сидеть взаперти.

Она полагала, что эти двое будут беседовать долго, но не прошло и минуты, как Бай Вэньцзин вышел. Она не успела даже сбежать, как он подхватил ее на руки.

— От кого это Сюань-эр удирает?

Бай Сюань подергала ножками и, плотно сжав губы, улыбнулась.

Бай Вэньцзин тоже рассмеялся, больше не дразня ее, и поставил на землю:

— Иди. Завтра не забудь встать пораньше для занятий. Книги, которые я велел выучить, должны быть выучены. Если что-то не поймешь — спроси наставника или сестру. Если я буду рядом — спрашивай меня. Лениться нельзя.

Бай Сюань усердно закивала, про себя решив, что учить она все равно ничего не будет.

Как только Бай Вэньцзин скрылся из виду, Бай Сюань вбежала в комнату Бай Лань. Та как раз

допивала чашу черного горького отвара. Увидев входящую девочку, Бай Лань торопливо проглотила остатки лекарства и уже хотела что-то сказать, но Бай Сюань достала из своего кармашка засахаренную сливу и сунула ей в рот. Язык и зубы сразу окутала ледяная сладость.

По выражению лица Бай Лань Бай Сюань поняла, что разговор с отцом прошел успешно, но все же решила уточнить:

— Что именно сказал отец?

Бай Лань, придерживая конфету за щекой, выглядела гораздо беззаботнее, чем минуту назад, — совсем как обычная девушка ее возраста.

— Приемный отец сказал, что мне больше не нужно отправляться в Северные Пустоши!

Бай Сюань выдохнула, почувствовав искреннюю радость — как за себя, так и за Бай Лань.

— Как здорово! Но почему папа внезапно изменил свое решение?

Бай Лань обхватила ладонями ее лицо и слегка помяла мягкие щечки:

— В Северных Пустошах полно людей. Там есть кому усмирять беспорядки, содержать войска и защищать страну. А у Сюань-эр есть только я.

Ответ Бай Лань не совсем соответствовал вопросу, но сердце Бай Сюань потеплело. Прежде она всегда жила одна, заботясь лишь о себе, да и из-за специфики прежней работы общения было мало. Придя в этот мир, она иногда ловила себя на мысли: умерла ли она в той, реальной жизни, или впала в кому? Если она умерла, узнает ли об этом хоть кто-нибудь?

Если вдуматься, то, пожалуй, и некому. Разве что домовладелец заглянул бы проверить, когда она не объявлялась бы десять-пятнадцать дней. Стало неловко: мало того что она вечно задерживала оплату аренды, так еще и доставила бы человеку столько хлопот.

Однако Бай Сюань не помнила, чтобы в книге Бай Лань говорила нечто подобное. Там она промолчала, лишь подумав про себя: что толку в глубоких и таинственных боевых искусствах, скрытых в лесной чаще, если в этом мире слишком много того, чего я действительно хочу.

<http://bllate.org/book/21820/2259022>